

Древнерусская, особенно домонгольская, культура по природе своей поразительно синтетична, поэтому взаимоотношения литературы и изобразительного искусства были очень глубокими и многосторонними. В настоящей статье этот вопрос нельзя осветить даже схематично. Сопоставление «Моления Даниила Заточника», скульптуры Георгиевского собора и «Слова о погибели Руския земли» показывает, что среди прочих форм взаимосвязи литературы и изобразительного искусства могло иметь место и прямое «авторское соприкосновение». Под «авторским соприкосновением» я имею в виду если не вполне возможный «личный контакт» авторов, то совершенно несомненное заведомое знание их друг о друге и интерес друг к другу в творческом, идейном смысле. Идейно-художественное единство их творчества обуславливалось не только общностью конкретно-исторических условий, но и единством умонастроения, интересов, образов, идеалов, что заставляет думать о какой-то более тесной связи между авторами рассмотренных здесь произведений. Конечно, отсюда не вытекает, что между нашими памятниками можно ставить знак тождества. В них много специфического. При этом несколько разбросанные идеи и образы «Моления» синтетизированы и обогащены в «Слове», пройдя, как через обогатитель, через скульптуру Георгиевского собора. Так представляется мне взаимоотношение всех трех памятников. В нем не очень многое изменится, если даже признать, что «Слово о погибели Руския земли» действительно было написано в связи с Житием Александра Невского.

Сопоставление «Моления Даниила Заточника», скульптуры Георгиевского собора и «Слова о погибели Руския земли» дает лишний материал для высокой оценки идейно-художественной жизни Владимиро-Суздальского княжества даже после раздробления его на уделы. Оно позволяет отвергнуть антиисторический взгляд на «печалование» Александра Невского о всей Русской земле (т. е. включая Новгород) как на унаследованное дедовского уважения к новгородскому вечевому строю, а не отцовского стремления к единой русской государственности.³² Это стремление было связано, конечно, не с одним Ярославом Всеволодовичем,³³ но и с его братьями Юрием и Святославом, которые после смерти их отца — Великого Всеволода III сумели сохранить единство Владимиро-Суздальской земли.³⁴ Отсюда — особая идейно-художественная глубина памятников литературы и искусства Северо-Восточной Руси начала XIII в. От них идет линия развития к Повести об Александре Невском,³⁵ к повести о князе Васильке, к тверской Повести об убиении князя Михаила Ярославича, к псковской Повести о Довмонте, к похвале князю Юрию Всеволодовичу в Лаврентьевской летописи, к образам святых воинов в Федоровском евангелии, к композициям московских иконостасов со св. Георгием, Дмитрием Солунским и апостолом Андреем — «просветителем» Руси, а также ко многим другим родственным произведениям, в горниле которых рождалась великорусская культура.

³² В. Л. Комарович. Повесть об Александре Невском. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 56—57.

³³ Ср. развернутую характеристику князя Ярослава Всеволодовича в указанной выше работе А. В. Соловьева.

³⁴ А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пгр., 1920, стр. 47.

³⁵ В свете отмеченных выше галицких связей «Моления» и скульптуры Георгиевского собора приобретает еще более прочную почву установленная Д. С. Лихачевым галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. См.: Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 36—56.